

Мин Шусу проспала до самой глубокой ночи. Она не была привередлива к постели, просто путь выдался слишком утомительным.

Когда она проснулась, Фэн Цинцзя рядом не было.

Одеяло и подушка Мин Шусу были пропитаны едва уловимым ароматом той женщины. После целой ночи сна голова оставалась на удивление ясной, не нужно было постоянно быть начеку. Она приподнялась, некоторое время сидела неподвижно, глядя перед собой.

На столе стоял теплый, обильный завтрак, а по другую сторону сидела девушка по имени Ван Цзи, закинув ногу на ногу и с крайне недовольным видом.

— Выбрала самую дорогую еду, каждые четверть часа подогревает, и даже дышать велит тише, чтобы не потревожить ваш драгоценный покой. Положение важной особы, что тут скажешь, — язвительно бросила Ван Цзи. Она уже успела вызубрить наизусть пару шахматных партий, но гнев в груди не утихал, и слова звучали весьма резко.

Мин Шусу не знала, в чем причина, но, вспомнив о Фэн Цинцзя, миролюбиво улыбнулась и предположила:

— Девушка Цзи-эр, неужто вы приревновали? Цзяньэр знает, что раньше госпожа никого не держала при себе. Должно быть, она очень дорожит вами, раз поселила вместе. К чему же вам сейчас спорить из-за сиюминутной обиды? Даже если принять во внимание мое незавидное положение, прошу, не сердитесь, иначе у госпожи непременно разболится голова.

— С чего бы мне злиться? — Ван Цзи бросила на нее косой взгляд, и усмешка на ее губах стала еще заметнее. — Я ведь всего лишь ребенок: сказали уходить — должна идти, права голоса у меня нет.

— О чем это вы? — Мин Шусу, хотя и догадывалась, все же хотела уточнить, чтобы обрести душевный покой.

— Сестрица Цинцзя сказала, что сегодня подаст прошение об отъезде, а завтра мы все вместе покинем это место и найдем пристанище поспокойнее. Разумеется, важная особа прежде всего, — проговорила Ван Цзи, скрежеща зубами.

С тех пор как она себя помнила, она скиталась вместе с Фэн Цинцзя, каждый год меняя место жительства, объездив семь областей и двенадцать уездов. Прибыв в уезд Гуанъюань, Фэн Цинцзя обещала ей, что на этот раз они осядут навсегда. Если бы не эта особа... Лгунья! Такая же лгунья, как и отец!

— В таком случае, это, безусловно, моя вина, прошу у вас прощения, — Мин Шусу слегка склонила голову, и ее прекрасные глаза моргнули. — Цзяньэр имела несчастье обидеть злую

собаку, и та прислала своих бешеных псов, чтобы кусаться. А псы не разбирают, кого кусать, вот и вас зацепило.

— Девушка Цзяньэр боится собак? — Юэ Ту все это время ждала снаружи и, услышав шум, приподняла занавеску и вошла.

Бросив быстрый взгляд, она невольно опустила голову. Гостья была поистине прекрасна. Хотя она уже несколько раз заходила, чтобы подогреть еду, ее снова поразила эта красота.

— Сяо Туцзы — официальная ученица сестрицы Цинцзя, можно сказать, моя племянница по наставнику, — представила ее Ван Цзи, скривившись в сторону Юэ Ту. — Недостаточно сообразительная девушка.

— Здравствуй, девушка Ту, — Мин Шусу попробовала рисовую кашу, тщательно прожевала и улыбнулась вошедшей. — Обычных собак я, конечно, не боюсь, но бешеных псов, что бросаются на людей, стоит опасаться.

— Я ухожу. Смотри за ней, — Ван Цзи встала и, насупившись, направилась к выходу, но Юэ Ту тут же схватила ее за шиворот и вернула на место.

Она была намного выше Ван Цзи, и та, повиснув в воздухе, словно цыпленок, выглядела совсем нелепо. Ван Цзи покраснела, сердито вращая глазами и дрыгая ногами, пытаясь опуститься на пол.

— Наставница велела девушке Цзи оставаться здесь и составить компанию гостье, — тихо напомнила Юэ Ту.

— Не хочу! — Ван Цзи оскалилась на нее.

Совершенно не умеет подстраиваться под обстоятельства, хотя именно благодаря этой глупой упертости она и достигла таких успехов в боевых искусствах. Всего за год ее искусство легкости стало даже лучше, чем у самой Ван Цзи. Только что она прекрасно играла в доме семьи Чжан, как вдруг появилась Юэ Ту и утащила ее. Ван Цзи обернулась и, заметив испуг в глазах Сяо Юйцзы, почувствовала лишь бессилие.

Мин Шусу прикрыла рот рукой, скрывая улыбку:

— Девушка Ту, опустите ее скорее, а то если платье девушки Цзи порвется, она ведь расплатится.

— Хм! — Ван Цзи отвернулась и заявила: — Сяо Туцзы, если не устала, можешь держать меня так и дальше. Мне даже нравится, здесь воздух посвежее.

Юэ Ту прикусила губу, изо всех сил стараясь не рассмеяться. Редко когда девица Цзи попадала в такую переделку, эта прекрасная гостья была чем-то особенным!

Область Цзянсюэ, уезд Сюньлу.

В ушах звенел шумный гул свадебных инструментов. Чжоу Юаньнян крепче сжала яблоко в руках, чувствуя, что в паланкине становится невыносимо жарко, и ей хотелось отодвинуть занавеску, чтобы поймать хоть немного прохлады.

Снаружи доносился гомон толпы, слов было не разобрать, но некоторые фразы повторялись снова и снова: поздравления, идеальная пара — от этого ее лицо краснело еще сильнее.

Стыдно-то как. Почему эти люди снаружи такие шумные и полные жизни? В семье Чжоу были строгие порядки. Говорили, что в других домах к молодым барышням относятся так же, как к юношам. Если бы на ее месте была другая девица, наверное, она не чувствовала бы себя так неловко, как сейчас.

Юаньнян тихо вздохнула. С самого детства она не выходила дальше верхнего этажа павильона и даже в собственном саду ориентировалась плохо. Однажды отец позволил ей прогуляться по усадьбе с женихом, и она умудрилась заблудиться, вызвав лишь усмешки молодого господина Ли. Она слышала, что в семье Ли нравы более свободные, и это ее одновременно пугало и влекло. Может, после замужества она сможет жить свободнее? Может быть, ей даже позволят открыто читать книги, которые продаются на рынках, и не бояться, что кто-то будет ее корить?

— В свое время твой отец был обманут одной весьма талантливой женщиной, которая лишила его всех накоплений. Он был так разгневан и раздавлен, что поклялся добиться успеха и сдал государственные экзамены, лишь тогда наше положение поправилось. С тех пор отец больше всего ненавидит умных женщин. Юаньнян, запомни: посредственность привлекает людей, а смышленность вызывает отвращение. Когда выйдешь замуж в дом Ли, всегда, всегда держи голову опущенной.

Наставления матери ничем не отличались от тех, что она давала прежде. Однако в ее глазах читались и грусть, и радость, отчего у Чжоу Юаньнян закружилась голова: замужество наконец стало казаться чем-то реальным. В этот момент она невольно вспомнила своего жениха Ли Пэя, с которым виделась лишь несколько раз. Стоило ему появиться, как воздух вокруг словно оживал, и все вокруг начинали улыбаться. А его юность, талант и статная внешность, по правде говоря, казались ей не столь важными. Должно быть, жизнь с ним будет очень счастливой.

— Я слышал, ты никогда не покидала дома, это правда? — Ли Пэй коснулся лепестка цветка, словно любуясь им, но не сорвал. Его взгляд был нежен, он слегка повернулся к ней и прошептал: — Когда мы поженимся, я буду брать тебя с собой на прогулки в свободное время, хорошо?

Она коснулась груди, чувствуя, как до сих пор бьется сердце. Чем она заслужила такое счастье?

— Барышня, путь преградили, кажется, это даос, и такой статный, — прошептала ее служанка Лань И через занавеску паланкина.

Только тогда Юаньнян заметила, что вокруг стало намного тише, паланкин остановился, а ее жених, похоже, спешил и с кем-то разговаривал.

— Сегодня у меня день великой радости, к чему даосу преграждать дорогу и мешать добром делу? — Ли Пэй нахмурился, поджав губы, на лице его читалась тревога.

Стоявший перед ним даос, мужчина лет тридцати, красивый, в белом одеянии и синем халате, с распущенными волосами, что придавало ему небрежный вид, смотрел на него спокойно. Предчувствие у Ли Пэя было недобрым, лицо его побледнело.

— Эта женщина — твоя погибель. Если она войдет в твой дом, один из вас лишится жизни. Я не могу допустить этого, поэтому пришел предупредить, — произнес даос, закрыв глаза. Для окружающих было неясно, то ли это небожитель, то ли обычный шарлатан.

— Мой союз с дочерью семьи Чжоу был заключен с детства, все гадания и знамения предвещали успех, с чего бы нам быть несовместимыми? — Ли Пэй сдерживал гнев и достал из-за пазухи золотой лист. — Сегодня у меня праздник, я прошу по-хорошему: вот тебе скромный подарок, уступи дорогу.

Толпа зашумела: одни кричали, что даос жаден и лжив, мешая чужому счастью; другие, почитая духов, советовали господину Ли призадуматься. Мнения разделились, поднялся шум. Свадебная процессия замерла в ожидании, словно сторонние наблюдатели.

— Одинокий инь не растет, единственный ян не рождается, союз инь и ян — таков закон небес. Больше я ничего не скажу, судьба в ваших руках, — даос повернулся спиной, даже не взглянув на золото, и удалился, выглядя при этом совершенно непринужденно.

Народ зашумел еще сильнее, кто-то, похоже, узнал даоса:

— Это же тот самый даос, что учился у Даоса Цина у подножия Чуншаня! Я видел его раньше. После смерти его наставника два года назад он исчез, не знаю, чем он занимался.

Упоминание Даоса Цина с горы Чуншань заставило толпу на мгновение замолчать. А затем снова послышался шепот.

— Юаньнян, я не отступлюсь, но раз это касается твоей жизни, я должен спросить... — Ли Пэй нахмурился, посмотрел в сторону ушедшего даоса, помедлил и подошел к паланкину.

— Репутация наших семей важнее всего. Надеюсь, господин Ли не побрезгует Юаньнян. Давайте сначала поженимся, а потом найдем надежного человека и пересчитаем все заново. Юаньнян готова поститься, омыться и молиться перед лампадкой, прося благословения для своего господина.

Чжоу Юаньнян говорила, едва сдерживая слезы, но голос ее был тверд, а слова — ясны.

— Прекрасная супруга, прекрасная супруга, это великая удача для меня, Ли Пэя. Юаньнян, не бойся, я обещаю тебе: все будет хорошо, — вздохнул Ли Пэй, обретая уверенность, и громко скомандовал: — Поднять паланкин!

<http://bllate.org/book/21759/2250160>